

**КОГДА ЖИВЕШЬ СЕМЕЙНО, СКУЧНО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ: ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ
В ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ СВЕРБЕЕВЫХ**

DOI: 10.25629/НС.2020.11.12

Покровская В.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена изменениям, которые происходили в системе дворянского образования в России в XIX веке. Опираясь на опыт трех поколений семьи Свербеевых, мы проанализировали, как трансформировались учебные методы и подходы в воспитании дворян, а также установили, что на протяжении всего XIX столетия доля участия родителей в жизни детей неуклонно увеличивалась. Это было связано и с распространением идей о необходимости расширения женского образования, ведь первостепенный долг женщины перед обществом – дать достойное воспитание новому поколению граждан. Постепенно дворянки начали вовлекать в процесс воспитания детей и мужей. Так, существовавшая в дворянской среде отчужденность между поколениями, берущая начало в иерархической структуре семьи, постепенно преодолевалась. Благодаря этим изменениям стала формироваться психоэмоциональная связь, которая базировалась не только на почитании детьми старших и неперменной любви родителей, но и на взаимном уважении, доверии и дружбе.

Ключевые слова: воспитание дворян, домашнее образование, гувернеры, бонны и учителя, роль женщины в семье, феминизм, дворянский быт, московское дворянство, славянофилы.

Введение. Тема воспитания детей в дворянской среде вызывает устойчивый научный интерес несколько десятилетий подряд. К ней обращаются исследователи, занимающиеся историей образования, повседневности, культуры в целом. Без обращения к ней невозможно описать биографию известных личностей или поколения в целом. Более того, тема воспитания дает возможность выявить те скрытые мотивы или черты, которые привели к смене целых эпох.

В первой четверти XIX века в русском дворянском обществе происходили изменения в воспитании детей. Весь XVIII век формировалась модель, в которой участие родителей в воспитании выражалось в подборе нянь и кормилиц, затем гувернеров и учителей, отслеживанию, подчас условно, успеваемости по предметам, контролю за внешним видом и здоровьем детей, а также изучению русского и французского языков. При этом дети редко чувствовали настоящую родительскую любовь, участие. Семья представляла собой иерархическую систему, где родители занимали главенствующее положение, что также создавало ощущение их отчужденности. Особенно это впечатление усиливалось, когда речь шла об отношениях между матерями и детьми. Вот одно из воспоминаний современницы: «Вся ее (матери. – В.П.) молодость протекала в заботах о нас, я не ценила этого. Думаю, что и другие дети тоже, мы считали это как бы должным. Не смотря на все ее заботы, внешне мать казалась строга и холодна... но к 14–15 годам мне удалось побороть эту мнимую холодность и вызвать в ней сочувствие и ответ на мою любовь, и я почувствовала, что для нас, детей, мать была все...» [1, с. 47].

На протяжении всей первой половины XIX века идея о том, что большую роль в формировании личности ребенка играла мать, все сильнее утверждалась в сознании мыслящей части общества. Особенно активно этот вопрос обсуждался в сороковые годы, когда в периодической печати часто стали появляться переведенные на русский язык выдержки из педагогических трактатов и руководств. В журнале историка Д.А. Валуева «Библиотека для воспитания», который издавался в 1843–1846 гг., опубликована статья, переведенная с английского, где отмечалось: «При всем даровании и усердии, уроки никогда... не смогут заменить то, что может дать постоянная беседа с воспитанником, руководство в чтении, тем более чувствуется этот недостаток при воспитании девиц, будущих матерей семейства» [2, с. 44].

Таким образом, по мнению славянофилов, широкое женское образование является основой и для умственного, и для духовного развития новых поколений и потому требует большей тщательности и усилий. Ребенку недостаточно нанять штат учителей; начиная с самых ранних лет нужно говорить с ним «не только умом, но и сердцем». О высоком долге женщины рассуждает в педагогическом трактате «Мысли для руководства детям моим, если Бог благословит их быть добрыми женами и детьми, о возвращении и воспитании детей в страхе божьем на пользу Отечества» родственник и близкий человек Д.А. Валуева – философ А.С. Хомяков: «В качестве матери женщина обязана вселять и вкоренить в будущего члена общества все семейные и гражданственные добродетели, необходимые качества для человека государственного: предводителя войск, образователя юношества, правителя народов, или же добродетели и качества супруги и матери, обязанной тем же призванию поколению грядущему... Но для сего необходимо, что бы она получила достаточное образование, по крайней мере гимназическое...» [3, с. 23]. А.С. Хомяков отмечал, что если мать внушает ребенку определенную систему нравственных ценностей, то отец должен подтверждать ее: «Глава семьи принадлежит службе государственной или управляя имением, или трудами своими содержа семейство, не имеет возможности заниматься подробностями воспитания, но он примером порядка правоты и доброты, высоким чувством долга, примером безукоризненности во всех действиях своих и советами будет сильно содействовать матери, дополнять начатое ею». Для выявления изменений в воспитании дворянских детей интересно обратиться к опыту семьи Свербеевых.

Результаты

Отец семейства – Дмитрий Николаевич Свербеев – родился в 1799 году. Он происходил из старинного рода Свербеевых и был сыном Николая Яковлевича Свербеева, человека хорошо образованного, масона орловской ложи, выбравшего военную службу лишь потому, «что в то время и даже до первой четверти нашего века, все дворяне... гнушались гражданской службой, называли ее подъяческую... а те, кто не поступали в военную службу, поступали в Министерство иностранных дел» [3, с. 24]. В зрелые годы Н.Я. Свербеев вышел в отставку, купил в Тульской губернии село Михайловское и женился на сестре своего приятеля – полковника Николая Васильевича Обрескова. Николаю Яковлевичу было 57 лет, а его жене, Екатерине Васильевне, 35 лет. Через год после венчания родился единственный сын, Дмитрий, названный в честь святого Димитрия Ростовского. В своих воспоминаниях Д.Н. Свербеев замечал: отец «любил меня страстно, но в обращении со мной был необыкновенно сдержан, а я боялся его более, нежели любил». Мать свою Дмитрий Николаевич не помнил ввиду ранней ее смерти во время вторых родов.

Подбором воспитателей для мальчика занимался отец. В начале XIX в. в дворянской среде предпочтение отдавали иностранным гувернерам, но у них, как вспоминал Дмитрий Николаевич, «француз продержался лишь пару месяцев». В возрасте пяти лет к молодому Свербееву был приставлен крепостной Илья Шилов, он обучил мальчика арифметике. Дворовый человек Варфоломеич стал вместо француза гувернером-«дядькой». Он отличался набожностью и необыкновенной памятью, позволявшей ему помнить обширные отрывки из священных текстов наизусть. Дмитрий Николаевич в своих записках указал, что в тульском светском обществе, куда периодически выезжали Свербеевы, одетый в «чопорный костюм маркиза XVIII века» дядька и его воспитанник, знавший без числа жития святых и псалмы, вызывали улыбку.

Когда Дмитрию исполнилось девять, Николай Яковлевич отдал Варфоломеича от сына и сам стал больше времени проводить с ним. Ежедневно после утренних молитв Дмитрий читал в слух отрывки из летописей, из русской истории М.М. Щербатова, стихи М.В. Ломоносова, М.М. Хераскова, Г.Р. Державина, после этого отправлялся на уроки французского или немецкого языков. По словам Д.Н. Свербеева, в имени ему было скучно, сверстников в доме практически не было, и чтобы развлечь себя, он много и увлеченно читал. С десяти до тринадцати лет в качестве гувернера при молодом Свербееве находился студент Славяно-греко-латинской академии В.А. Никольский, который хорошо обучил воспитанника латыни. По ходатайству отца обучение мальчик продолжил при пансионе профессора Мерзлякова; в сентябре 1814 года поступил вольным слушателем в Московский университет.

Ранняя кончина Николая Яковлевича заставила первокурсника быстро повзрослеть. «Все возможные обольщения не замедлили со всех сторон окружить меня, к счастью, я скоро понял, что большая часть людей, навязывавших мне свое участие, могут рассчитывать на мое состояние, желают воспользоваться моей неопытностью... Убеждения такого рода... сделали из меня человека замкнутого, сдержанного и недоверчивого. Может быть таким я и остаюсь до сих пор» [3, с. 80].

В 1817 году Д.Н. Свербеев в возрасте восемнадцати лет окончил университет и поступил на службу в Петербург, в Комиссию прошений, начальником которой был его родственник – Петр Андреевич Кикин. Он способствовал быстрому продвижению по службе Свербеева, который обладал тонким умом, деликатностью и ответственно относился к службе. В 1823 году Дмитрий Свербеев был направлен за границу, в Берн, а затем в Женеву при дипломатической миссии. В 1827 году он вышел в отставку, вернулся в Москву, где мысли о семье «стали все чаще посещать» его, и он решил жениться.

Выбор пал на молодую княжну Е.А. Щербатову. Она родилась в 1808 году и была дочерью генерал-майора Русской императорской армии Александра Федоровича Щербатова и Варвары Петровны Оболенской, племянницы поэта Вяземского. После смерти мужа Варвара Петровна вела тихую деревенскую жизнь. По воспоминаниям современников, Екатерина Александровна унаследовала от матери необычайную красоту, а от своих предков Щербатовых – требовательность к себе и окружающим. К сожалению, о детстве Екатерины Александровны мы знаем мало, но исходя из круга ее интересов, из воспоминаний современников о ней и ее салоне, а также из древности рода Щербатовых и близости его к петербургскому двору можно сказать, что она получила хорошее домашнее образование. На страницах ее дневника за 1833 год мы сталкиваемся с молодой девушкой, нечуждой светской жизни, чья начитанность и широкий кругозор очевидны. Записи Свербеева вела по просьбе друга – дипломата А.И. Тургенева, который хотел узнать ее впечатления от заграничной поездки. До самой смерти Александр Иванович был дружен с Е.А. Свербеевой, шутливо называя ее русской «Рекамье»; с середины тридцатых годов Свербеевы стали устраивать вечера по пятницам, где центром оживленного умственного кружка выступала молодая и красивая хозяйка. О таких женщинах, как Е.А. Свербеева, А.В. Никитенко говорил: «Знаешь, в доме, где есть благовоспитанная женщина, добрая мать семейства, тут слышится какое-то благоухание... везде виден порядок... и изящество» [4]. И справедливо отмечал, что несмотря на домашние хлопоты, которые не стоит целиком и полностью перекладывать на многочисленную прислугу, она должна участвовать в светской жизни, «иначе она поневоле делается кухаркою». Сын Свербеевых, Александр Дмитриевич, вспоминал, что о славе московского салона его родителей было известно при императорском дворе.

Екатерина Александровна «умела привлекать к себе все то, что мало-мальски выдавалось из общего уровня». Посетителями ее гостиной были барон Гакстгаузен, богослов Уильям Пальмер, проповедник Стенлей. При всей легкости в общении, которая скрывала глубокий ум Екатерины Свербеевой, это была страстная натура, живо интересующаяся историей, искусством и литературой. Она отличалась поразительной работоспособностью: участвовала в издании журналов и сборников, состояла в переписке с известными славистами и историками – Поповым, Шафариком, Ганкой, – посещала лекции М.П. Погодина [5] и Н.Т. Грановского, [6, с. 261], куда часто доставала билеты и для знакомых дам: С.Г. Волконской, Е.М. Хомяковой, Е.И. Поповой, М.В. Киреевской.

Екатерина Александровна Свербеева явила собой новый тип дворянки, в жизни которой находилось время и для общественной деятельности, и для семьи. В браке с Дмитрием Николаевичем у них было десять детей: вслед за рождением первенца Николая в 1829 г. появились на свет две дочери: Варвара (1831–1918) и Екатерина (1832–1897), затем погодки сыновья – Александр (1835–1917) и Владимир (1836–1886) – и дочь Ольга (1839–1914). Следующее десятилетие для супругов Свербеевых было ознаменовано рождением дочерей Анны (1840–1905) и Софьи (1842–1903), сыновей Дмитрия (1845–1921) и Михаила (1848–1903) [7, с. 7]. Все они, за исключением «брата Миши» [8, с.112], получили домашнее образование и «были очень строго воспитаны».

О том, как происходило воспитание детей, описано в «Моих записках» самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева. В них автор указывал: «Наша мудрая мать понимала, что в такой большой семье необходимо послушание для того, чтобы мирно могли жить окружающие...» – и вспоминал: «...от нас требовалось уважение и учтивость к старшим, доброе отношение между собой...» Ранее мы упоминали, что в дворянской среде в конце XVIII – начале XIX века существовала семейная иерархия, в которой из-за чрезмерной почтительности детей по отношению к родителям возникала дистанция, зачастую перерастающая в холодность. В.А. Соллогуб, детство которого выпало на двадцатые годы XIX века, указывал: «Жизнь наша шла отдельно от жизни родителей. Нас водили здороваться и прощаться, и благодарить за обед...» [9, с. 187].

К середине века заметны перемены в отношениях. Иллюстрацией может служить факт из повседневной жизни Свербеевых: ежедневно утром Екатерина Александровна приглашала детей в спальню и вместе с ними читала главы из Евангелия и Деяний апостолов, проповеди Иоанна Златоуста. Спальная комната являлась личным, интимным пространством женщины, детей туда, как правило, не пускали. Таким образом, укреплялась эмоциональная связь между матерями и детьми, осуществлялась преемственность нравственных идеалов и ценностей. Надо сказать, Дмитрий Николаевич тоже относился к своим детям «с нежностью», что не соответствовало установкам патриархальной семьи начала XIX века, где отца «уважали и побаивались». У детей Дмитрий Николаевич вызывал любовь, граничащую с обожанием, и заслуженное почитание. Находясь в отставке, он не оставил светской жизни, посещал салоны и делал визиты, печатался в московских журналах и сборниках, много читал. Он активно участвовал и в делах благотворительных обществ, организовывал сборы средств нуждающимся, создавал в своих деревнях сельские школы. Александр Свербеев отзывался об отце как о высоко нравственном, благочестивом человеке. Вместе они часто посещали воскресные службы и молебны, а вечерами переводили старославянские трактаты и притчи церковной тематики. Впоследствии Софья Дмитриевна вспоминала, как, взрослея, начинала все более ценить отца и как детская привязанность к матери уступала место тесной дружбе с ним. «Отца я узнала, оценила и горячо полюбила гораздо позднее, уже сознательной любовью; его влияние сказало уже на сознании моем, развитии и это влияние осталось навсегда нравственным мерилом правды и добра» [10].

Отмечу, что, хотя основа для воспитания детей была относительно одинаковая, но, безусловно, каждый ребенок имел индивидуальные черты характера, которые сказывались в том числе и на их послушании. Так, сыновья Николай, Александр и Дмитрий отличались уравновешенностью и любознательностью, Владимир и Михаил – крутым нравом, ловкостью и озорством. По воспоминаниям Александра, Владимир Дмитриевич был «особенным баловнем семьи», исключительно непоседливым. Нередко он выводил из себя учителя Закона Божьего, профессора Кирьякова, и называл его «ослицей Варлаама». Другой брат, Михаил, с товарищами однажды забрался в Никитский женский монастырь, где его поймала игуменья, сделала внушение и прибавила, что только известное благочестие его семьи избавит его от дальнейших преследований. Конечно, с детьми проводилась нравоучительная беседа, но несмотря на шалости, повзрослев, Свербеевы оценили вклад родителей в их воспитание и до конца жизни были глубоко верующими людьми: «Обозревая теперь наше детство и юность, я благодарю Господа за то, что дал нам таких любящих и мудрых родителей, которые своим примером и прекрасной жизнью остались для нас источником всех наших добрых дел и хороших побуждений», – писал Александр Дмитриевич.

В семье Свербеевых большое внимание уделяли не только религиозному воспитанию детей. С юного возраста им прививали просветительские идеалы, говорили с ними о гражданском долге, чести дворянина, свободе. Младшее поколение Свербеевых с почтительно относились к чужому труду, даже крепостных, и «если вследствие неряшества там появлялся сор или на полу оказывались грязь и пятна, то нашей обязанностью было убирать эти следы, и потому мы часто сами убирали свои комнаты» [9, с. 113]. Подобный образ жизни Александр

Дмитриевич полушутя называл «спартанским» и замечал, что никогда не слышал в семье грубого слова по отношению к прислуге или воспитателям-учителям, которых в усадьбе к слову был «целый штат». К мальчикам приходили учитель математики Лукомов, учитель греческого языка Птяковский и преподаватель Закона Божьего – профессор духовной академии Кирьяков.

В дворянских семьях неотъемлемой частью воспитательной системы являлись гувернёры, как правило, иностранного происхождения. В доме Свербеевых при мальчиках был англичанин Бёллер, а при девочках было несколько бонн – прибалтка мадам Ленц и англичанки, мадам Деннет и Анна Митчелл. По свидетельствам современников, английским воспитателям и воспитательницам отдавали предпочтения дворянские семья, «близкие к высшим светским кругам» [11, с. 75]. О популярности английского языка сохранилось множество упоминаний в источниках. Так, оказались примечательны записи в дневнике Варвары Петровны Шереметьевой, из младшей ветви именитого рода, которая провела зиму 1825–1826 гг. в столице у своих родственников: «...здесь (в Петербурге. – *В.П.*) английский язык, можно сказать, всеобщий, ребенок едва родится, у него уже англичанка» [12, с. 87]. Многие годы «добрая няня маменьки», англичанка Элизабет Деннет, служила сначала семье Щербатовых, затем Свербеевых. За долгие годы Деннеты стали для них родными людьми. Другая англичанка-гувернантка Свербеевых, Анна Митчелл, являлась дочерью протестантского священника и была рекомендована родственницей Свербеевых, английской писательницей Джейн Портер. В 1834 году Свербеевы вместе со старшим сыном Николаем отправилась за границу, оставив младших дочерей в Москве. Анна Митчелл сообщала в письме, что девочки – Варвара и Екатерина, – которым было три и два года от роду, «молятся каждый день за здоровье своих родителей», скучают по брату и уже лучше говорят по-английски, хотя их нельзя назвать болтушками [13]. Помимо английского и французского, дочери Свербеевой знали итальянский и немецкий, которыми занимались с ними не только гувернантки, но и Екатерина Александровна. Нужно сказать, что, несмотря на то, что при детях было большое число иностранных воспитателей, они не выросли «немцами» и «французами». Чуткое руководство матери и отца, приобщение к родному языку способствовали этому.

В семье Свербеевых почтительно относились к русскому языку. В этой связи примечательно воспоминание Александра Дмитриевича: «...родственник отца моего Дмитрий Александрович Валуев, известный по своим трудам о русском местничестве, привлек нас, маленьких детей, к проверке его статей в детском журнале “Детское воспитание”, и я как теперь помню, что лет восьми в Солнушково держал корректуру этого журнала, получая по конфете за каждую найденную орфографическую ошибку...» [8, с. 93]. Конечно, подобные упражнения не заменяли уроков, проходивших с нанятыми учителями. Среди них были сотрудник молодой редакции «Москвитянина» Т.И. Филиппов, а также дочь владельца типографии «Люби, Гарри и Попов» Елизавета Попова, которая считала себя приверженной всего русского. По свидетельствам А.Д. Свербеева, она была строга с детьми, в отличие от англичанок. Любопытно, что по просьбе Свербеевой Елизавета Ивановна редактировала и ее письма, написанные на родном языке: «Она прочла свое письмо к Гоголю; оно написано от любящей и верующей души и потому прекрасно. Она (Екатерина Александровна. – *В.П.*) попросила меня его поправить, но кроме некоторых неважных ошибок, мне хотелось сохранить прелесть душевной простоты. Дмитрий Николаевич также читал мне два своих произведения... слог и того и другого письма совершенно русский и потому приятен русскому уху...» [6, с. 51].

Елизавета Попова была самоучкой, она обладала широким кругозором, много читала на разных языках, интересовалась отечественной историей: «В прекрасном слогe ее писем так и слышится карамзинский стиль... Русским языком владела она в совершенстве, разве что мой отец мог с ней сравниться, а он его знал, как весьма немногие» [6, с. 30]. Неудивительно, что Д.Н. Свербеев хорошо знал родной язык. На государственной службе языком официальных документов был русский, хотя любые официальные письма, в том числе и на иностранных языках, должны были «соответствовать форме». Исследовательница В.М. Блинохатова указывает, что, начиная со второй четверти XIX века, русский язык постепенно завоевывал авторитет для выражения мельчайших оттенков чувств и мыслей [6, с. 30]. Этому способствовала

популярность произведений поэтов Золотого века. Дамы переписывали отрывки из стихотворений в свои альбомы, чаще пользовались литературным русским языком в переписке, подбирали метафоры и следили «за легкостью слога». Так, А.О. Смирнова-Россет писала: «Нельзя сказать, что я русская Sevigne, но однако ж похвально русской барыне писать по-русски». Примечательно, что состоящие в переписке Е.А. Свербеева и светская дама А.О. Смирнова общались преимущественно на французском, а мужу, дочерям, друзьям, особенно которые находились за границей, Екатерина Александровна писала письма на родном языке. В 1846 году она адресовала декабристу Н.И. Тургеневу следующие строки: «Вы знаете, у меня до Вас есть усердная просьба, Ваши дети не знают по-русски, и в праве ли вы отнимать у них природный язык их, поздно или рано они воротятся в Россию. Как же они не будут знать своего языка? Я лично прошу Вас. До смерти Вашего брата мы говорили с ним об этом» [14].

Подобных взглядов придерживалась и Елизавета Попова, коротко знавшая семью Елагиных-Киреевских и поэта В.А. Жуковского. Она оставила в дневнике записи, которые были очень созвучны письму Екатерины Александровны Н.И. Тургеневу о родном языке: «Жуковский все откладывает возвращение в Россию и забывает, что дети его вырастут немцами».

Николай Дмитриевич и Екатерина Александровна на своем примере учили детей благотворению. В 1859 году, когда дальний родственник Свербеевых – Дмитрий Петрович Волконский – умер, Дмитрий Николаевич принял опеку над его тринадцатилетней дочерью. Д.Н. Свербеев до ее совершеннолетия взял управление над имением Дубинным [16], а унаследованный капитал положил в банк под проценты. По примеру своего отца Варвара Дмитриевна, в замужестве Арнольди, взяла попечительство над дальней родственницей по линии мужа – Александрой Николаевной Россет: «Варвара Дмитриевна держала девочку сиротку Сашеньку сперва в женском монастыре под Козельском, потом отдала ее в Смольный институт. Окончив институт, девица Россет стала служить воспитательницей по разным домам» [17, с. 41]. Интересно, что из пятерых дочерей Е.А. Свербеевой вышла замуж только Варвара Дмитриевна, по мужу Арнольди, у которой не было своих детей. Есть свидетельство, возможно ошибочное, о браке Ольги Дмитриевны с неким Шеффером. Предположительно о нем в письме к Чижову упоминает и Е.Д. Свербеева: «Вчера получила письмо от матери, очень рада, что сестра Арнольди уже с нею, должно быть, и Ольга с Шеффером вернулись...» [18]. К старшей дочери Екатерине сватался Константин Аксаков, но безуспешно [19, с. 24].

Почему четыре дочери Свербеевых не вышли замуж? И как сложилась их дальнейшая судьба? Здесь стоит выделить группу факторов. Сказалось и «обстоятельства жизни», и слабое здоровье некоторых сестер, и внутренние представления о браке, которое не соответствовало действительности. Стоит подчеркнуть, что в 60-е годы XIX века появлялось все больше дворянок, которые не ставили создание семьи единственным смыслом своей жизни. Новая эпоха порождала новые интересы и цели: стремление к образованию, к реализации себя в профессии, к общественно полезной или творческой деятельности. Так, Софья Дмитриевна занималась публицистической деятельностью, Анна Дмитриевна закончила курсы и была старшей медсестрой, Екатерина была попечительницей московской школы, Ольга занималась воспитанием детей брата и благотворительностью. Мы можем предположить, что девушки не отрицали возможности выйти замуж, они ждали достойных претендентов на руку и сердце. На формирование представлений о счастливых браке повлиял пример родителей или полные любви и взаимной поддержки супружеские союзы друзей семьи: Алексея Степановича и Екатерины Михайловны Хомяковых, Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковых, Ивана Васильевича и Натальи Алексеевны Киреевских. Круг общения девушек, который с раннего возраста состоял в том числе и из славянофилов, также повлиял на формирование определенного образа. Члены славянофильского кружка видели в браке союз любящих и уважающих друг друга единомышленников. Таким, по их убеждению, супружество являлось в период допетровский реформ.

Хотя стоит отметить, что позиция славянофилов не была единообразной. Так, например, славянофил А.С. Хомяков допускал мысль, что дочери его могут быть выданы замуж за людей недостойных: «...что ее ожидает в замужестве? Самые низкие чувства ищущего руки ее могут быть прикрыты умом, блеском воспитания поддельными чувствами и образом мысли. Позже

уже для нее снимет он с себя личину. И когда женщина не обладает вполне чувством долга христианского и силою воли, то если и не подвергается паданию, не избежит однако же духа уныния, которое сведет ее в гроб. Тогда как обладая всеми христианскими добродетелями... она бы сосредоточила себя в детях своих. Заслугами своими и молитвами, может быть, и недостойного мужа обратила бы на путь истинный...»

На самом деле идеальное представление славянофилов о семье базировалась на соединении просветительских идей и православной культурной традиции. К подобному союзу стремились незамужние девушки славянофильского круга, которые тесно общались с дочерьми Свербеевых. Вера Сергеевна Аксакова, Мария Васильевна Киреевская, Мария Алексеевна Хомякова так и не вышли замуж. В семье Свербеевых к подобному решению пришли не сразу. По свидетельствам современников, литературный салон Екатерины Александровны в 50–60-е годы XIX века превратился в светскую гостиную, где давали балы с целью найти партии дочерям, но кроме Аксаковых не нашли претендентов. Любопытны мысли Ольга Дмитриевна о браке, которыми она делилась с матерью: «Что меня душевно опечалило, это весть о свадьбе уже такой близкой Оли Хомяковой, как можно идти за человека ей не милого? Воля Ваша, как ни тяжел удел одинокой незамужней девушки, который тому только известен, кто сам проходит по этой пустынной дороге жизни, но выйти без любви, без дружбы, только для того, чтобы быть за мужем, тяжело так, что страшно представить. Говорю по своему личному внутреннему чувству, это было бы выше моих сил, и слава богу, что обстоятельства жизни лишь оградили меня от этого. Дай Бог милой Оле не раскаяться в том, что она делает, любовь же как ни была б сильна со стороны мужа, она не ограждает жену от борьбы ужасной под бременем. Не всякая сможет устоять...» [20]. Екатерина Александровна приняла решение Ольги, скорее всего, созвучное с позицией остальных незамужних девушек в семье. Дочери остались при матери, однако их жизнь невозможно назвать бесцельной – она была наполнена активной работой. Они полностью посвятили себя благотворительности.

Со смертью Дмитрия Николаевича в 1874 года Екатерина Александровна Свербеева вступила в Православное миссионерское общество [21] и стала членом Московского Благотворительного общества 1837 года [22, с. 647]. МБО заведовало шестнадцатью школами, одной из которых была Александринская. Ее попечительницей сначала была Варвара Дмитриевна [23], а затем ее сменила Екатерина Александровна [24]. Подобные перемены предположительно были связаны с ухудшившимся здоровьем Варвары Арнольди, которым она не могла похвастаться и до замужества. Другой возможной причиной мог служить «щербатовский нрав» Варвары. Ольга Свербеева замечала: «Смотрю я часто здесь на Екатерину Васильевну Сумарокову, женщину умную, сердечно добрую, а выходит, что только кажется. От словца, сказанного без умысла, ее можно обидеть. Как она мне напоминает Вареньку нашу, только Екатерина Васильевна гораздо умнее, но с нею ладить точно так же трудно, как с нашей обидчивой сестрицей...» [25]. Роль помощницы попечительницы Александринской школы была предложена Екатерине Дмитриевне, девушке приветливой, сердечно внимательной, которую очень любили в московском обществе. Александр Свербеев вспоминал: «Катенька так долго ею заведовала, что была избрана почетным членом Благотворительного общества». Екатерина Дмитриевна Свербеева была привязана к матери, считала себя продолжательницей ее дел, хотя внешне более походила на отца и была обладательницей «свербеевского типа», белокурая и голубоглазая. После смерти Дмитрия Николаевича она бессменно оставалась при матери вплоть до ее кончины в 1892 году. Затем она переехала в Серпухов, где стала председательницей местного благотворительного общества.

Младшая из дочерей – любимица отца Софья Дмитриевна – была попечительницей женского Тверского городского начального училища с 1872 по 1887 гг. В 1875 году она сдала вступительные экзамены [26] и стала посещать Высшие женские курсы В.И. Герье, что дало ей право преподавать [27]. После смерти отца она переехала к брату Александру, у которого гостили Анна и Ольга Дмитриевны. Здесь Софья занялась подготовкой к печати «Записок» Дмитрия Николаевича. Впервые автобиография была опубликована в 1899 году. Пребывание сестер Софьи, Ольги и Анны у Александра Дмитриевича Свербеева предположительно было

связано с желанием морально поддержать брата. Он разорвал отношения с женой Верой Федоровной Менгден, которая подала на развод и второй раз вышла замуж за дипломата Шевича. Александр Свербеев тяжело переживал уход жены, он углубился в работу, а воспитанием его детей занялись сестры. В письме к другу Федору Чижову Ольга Свербеева указывала: «Дети заняты много своими разными занятиями, а Зина стала очень мило рисовать, чему я очень рада... музыка идет не очень пока что... я ее учу только потому, что хорошо хоть немного знать музыку, серьезно бы хотелось, чтобы она занималась рисованием... Беда в том, что в нашей милой Костроме нет приличных учителей и я вынуждена давать собственным запасом знаний... нет занятий, которые также требовали бы крепких нервов как музыка, а ими то я похвастаться не могу...» [28]. Ольга Дмитриевна быстро привязалась к детям и прожила в Костроме вместе с ними почти десять лет. «Зинон – милейшее существо, умна, остроумна и послушна, с ней мне никогда не бывает грустно», – писала она и прибавляла: «...я совершенно довольна своей мирной, уже теперь небесполезной жизнью».

Дочери Свербеевых участвовали в благотворительной деятельности общества Красного Креста. Ольга Дмитриевна в середине 60-х годов адресовала матери следующие строки: «По газетам узнала я, что княжна Щербатова принялась за роль общественной деятельницы, в чем желаю ей от всей души успеха. Сердечно жалею о Наталье Б., не могу не сказать, что она виновата кругом, делая на русский авось такое предприятие. Неужели ей нельзя будет как-нибудь помочь?» В письме речь идет об Общине сестёр милосердия Натальи Борисовны Шаховской «Утоли моя печали». В 1868 году община примкнула к Московскому дамскому комитету Общества попечения о больных и раненых воинах и получила устав, управление, печать и некоторые источники средств – сбор за вступление в кружки и плату за уход сестер за частными лицами и учреждениями. В 1872 году княгиня Шаховская купила в Лефортове обширное владение, в котором стояло пять зданий [29, с. 64]. В них была переведена община, там же был учрежден сиротский приют. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. община занималась оказанием помощи раненым солдатам. Посильно помогали Ольга и Екатерина Дмитриевны, они делали благотворительные взносы, собирали посылки раненым, за что были награждены знаком Красного Креста.

Другая дочь Свербеевых, Анна Дмитриевна, пока проживала в Костроме у брата, окончила за пять лет фельдшерские курсы и была отправлена вместе с тринадцатью девушками в кинешемский госпиталь в качестве старшей сестры милосердия. «Всецело посветив себя человеколюбивому подвигу, сестра Анна Свербеева вела дело в безукоризненном порядке, одушевляла сестре собственным примером полного самопожертвования для пользы страждущих...» [30, с. 19]. Анна Дмитриевна адресовала из Кинешмы все тому же Федору Чижову следующие строки: «Нет, не лень причина моему молчанию, а постоянное дело, отнимающее все время, кроме ночи. Теперь больницы, а нынешнее лето я так была занята в Костроме дамским комитетом, что положительно приходилось работать по ночам...» [31]. Зимой 1877 года она была вызвана в Петербург и представлена императрице Марии Александровне, была командирована на Кавказ, в распоряжение великой княгини Ольги Федоровны. Она объехала все кавказские лазареты с целью их закрытия, была в том числе и в завоеванном Карсе. Семья Свербеевых помогала обществу на протяжении многих десятилетий. В 1897 году Софья Свербеева в связи со смертью сестры Екатерины сделала большое пожертвование в общину.

Выводы

Подводя итог, стоит отметить, что на протяжении XIX века воспитательная система в дворянском обществе подвергалась существенным изменениям, что хорошо прослеживается на примере двух поколений семьи Свербеевых. Обновление программы обучения было не единственным фактором. На конкретном примере семьи Свербеевых видится изменение системы отношений между детьми и родителями, личное участие обоих родителей в воспитании отпрысков, изменение в понимании задач женского воспитания. Огромное значение имело личностное участие в религиозном воспитании в сочетании с изучением родного языка. Важнейшим фактором явилось то, что в результате осуществления новых воспитательных идей дол-

жен был поменяться подход к женскому образованию. Оно позволяло будущим женам и матерям семейств дать достойное воспитание следующему поколению. Теперь дворянка не только более осознанно формировала педагогическую программу и тщательно следила за ее исполнением, но и сама занималась преподаванием. Таким образом, увеличивалась доля участия матери в образовательном – а вследствие этого и в воспитательном – процессе, куда мать вовлекает и главу семейства.

Заключение

Постепенно стало очевидным: участие обоих родителей в воспитании детей необходимо и требует, возможно, разного, но равного внимания и отца, и матери. Так система, в которой «штат» нянь и гувернеров, многочисленные родственники бесконтрольно участвовали в воспитании и нередко формировали систему ценностных установок ребенка, отходит на второй план, уступая новой воспитательной модели. В ней первостепенное положение занимают родители. Надо сказать, что они не утрачивают своего авторитетного положения в семье, но холодность, которая возникала из-за недостаточного участия отца и матери в жизни детей, преодолевалась беседами и руководством в обучении. Родители стали для детей приоритетным и важнейшим источником нравственных ориентиров и ценностей, базировавшихся на смеси из христианской этики и просветительских идей. Родной русский язык и православная вера послужили основой для национальной самоидентификации.

Библиография

1. Кузьминская Т.А. Моя жизнь. М., 1959. 528 с.
2. Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2013. 942 с.
3. Эджворт М. Практическое воспитание // Библиотека для воспитания. Отд. 1. Ч. 2. 1844.
4. РГАЛИ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
5. ОР РГБ. Ф. 231(2). К. 29. Д. 35. Л. 1.
6. Попова Е.И. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852. М., 2013. 320 с.
7. Медведева Т.В. Эпистолярный архив Свербеевых // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2019. № 1. С. 16–20.
8. Кабытов П.С., Батшев М.В. Дневник и воспоминания самарского губернатора Александра Дмитриевича Свербеева. Самара, 2019. 268 с.
9. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина: опыт знаменитых семей России. М., 2014. 150 с.
10. РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 682. Л. 1.
11. Лесгилье А. Руководство для гувернёров и гувернанток. СПб., 1870.
12. Шереметьев Б.С. Дневник Варвары Петровны Шереметьевой, урожденной Алмазовой. 1825–1826 гг. М., 1916. 212 с.
13. Ренне Е. Художник сэр Роберт Кер Портер в России // Наше наследие. Иллюстрированный культурно-исторический журнал. 2002. № 63–64 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6412.php> (дата обращения: 07.11.2020).
14. РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. Д. 331.
15. РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 1049. Л. 1.
16. РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 1018-а.
17. Голицын С.Г. Записки уцелевшего. М., 2006.
18. ОР РГБ. Ф. 332. К. 51. Д. 31. Л. 16.
19. Батшев М.В., Медведева Т.В. Аксаковы–Свербеевы: страницы переписки двух семей (1840–1860-е годы) // Абрамцево в истории и культуре России. 2015. № 12. С. 42–60.
20. РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 643. Л. 1.
21. РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 653. Л. 1.

22. Вся Москва: Адрес-календарь города Москвы на 1875 год. М., 1875.
23. РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 675.
24. РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 661.
25. ОР РГБ. Ф. 332. К. 51. Д. 32. Л. 11.
26. ОР РГБ. Ф. 332. К. 51. Д. 31. Л. 7.
27. Цыганков Д.А. Владимир Иванович Герье. У истоков высшего женского образования. М., 2017. 136 с.
28. ОР РГБ. Ф. 332. К. 51. Д. 32. Л. 3.
29. Махаев С.К. Подвижницы милосердия. М., 1914. 143 с.
30. Илинский П.А. Русская женщина в войну 1877–1878: Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшерниц и женщин-врачей. СПб., 1879.
31. ОР РГБ. Ф. 332. К. 51. Д. 28. Л. 6.

Покровская Виктория Алексеевна. Аспирант, кафедра истории России XIX века – начала XX века, исторический факультет, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». Специальность 07.00.02 «Отечественная история». E-mail: vika-pokr@yandex.ru

WHEN YOU LIVE AS A FAMILY, YOU CAN'T BE BORED: CHILDREN'S EDUCATION IN THE NOBLE FAMILY OF SVERBEYEV

DOI: 10.25629/HC.2020.11.12

Pokrovskaya V.A.

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

Abstract. This article is devoted to the changes in the system of noble education in nineteenth-century Russia. On the basis of the experience of the Sverbeyevs' three generations, we analyze how educational methods and approaches among the nobility were transformed and conclude that parents' participation in the life of their children was steadily increasing throughout the nineteenth century. This was also due to the spread of ideas regarding the expansion of women education and understanding that their primary duty to society was responsibility for a decent upbringing of a new generation of citizens. Noblewomen began to involve their husbands in this process. Thus, the alienation between generations, originating in the hierarchical structure of the noble family, was gradually overcome. Thanks to these changes, a psycho-emotional connection began to emerge, which was based not only on children's reverence for adults and their parents' indispensable love, but also on mutual respect, trust, and friendship.

Keywords: the education of nobles, home education, tutors, nursery governess and teachers, the role of women in the family, feminism, noble life, Moscow nobility, Slavophiles.

References

1. Kuz'minskaya T.A. *Moya zhizn'* [My life]. Moscow, 1959. 528 p.
2. Sverbeev D.N. *Moi zapiski* [My notes]. Moscow, 2013. 942 p.
3. Edzhvort M. Prakticheskoe vospitanie. *Biblioteka dlya vospitaniya* [Practical education. Library for education]. Otd. 1. Ch. 2. 1844.
4. RГАЛИ. F. 357. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

5. OR RGB. F. 231(2). K. 29. D. 35. L. 1.
6. Popova E.I. *Dnevnik Elizavety Ivanovny Popovoj. 1847–1852* [Diary of Elizaveta Ivanovna Popova. 1847-1852]. Moscow, 2013. 320 p.
7. Medvedeva T.V. Epistolyarnyj arhiv Sverbeevyh [Epistolary archive of the Sverbeevs]. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij*. 2019. No 1. P. 16–20.
8. Kabytov P.S., Batshev M.V. *Dnevnik i vospominaniya samarskogo gubernatora Aleksandra Dmitrievicha Sverbeeva* [Diary and memoirs of the Samara governor Alexander Dmitrievich Sverbeev]. Samara, 2019. 268 p.
9. Murav'eva O.S. *Kak vospityvali russkogo dvoryanina: opyt znamenityh semej Rossii* [How a Russian nobleman was raised: the experience of famous families of Russia]. Moscow, 2014. 150 p.
10. RGALI. F. 472. Op. 1. D. 682. L. 1.
11. Lesgil'e A. *Rukovodstvo dlya guvernyorov i guvernantok* [A guide for governors and governesses]. St. Petersburg, 1870.
12. Sheremet'ev B.S. *Dnevnik Varvary Petrovny Sheremet'evoj, urozhdennoj Almazovoj. 1825–1826 gg.* [Diary of Varvara Petrovna Sheremetyeva, nee Almazova. 1825-1826]. Moscow, 1916. 212 p.
13. Renne E. Hudozhnik ser Robert Ker Porter v Rossii [Artist Sir Robert Coehr Porter in Russia]. *Nashe nasledie. Illyustrirovannyj kul'turno-istoricheskij zhurnal*. 2002. No 63–64. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6412.php> (accessed 07.11.2020).
14. RGALI. F. 501. Op. 1. D. 331.
15. RGIA. F. 934. Op. 2. D. 1049. L. 1.
16. RGIA. F. 934. Op. 2. D. 1018-a.
17. Golicyn S.G. *Zapiski ucelevshego* [Survivor's Notes]. Moscow, 2006.
18. OR RGB. F. 332. K. 51. D. 31. L. 16.
19. Batshev M.V., Medvedeva T.V. Aksakovy–Sverbeevy: stranicy perepiski dvuh semej (1840–1860-e gody) [Aksakovs-Sverbeevs: pages of correspondence of two families (1840-1860s)]. *Abramcevo v istorii i kul'ture Rossii*. 2015. No 12. P. 42–60.
20. RGALI. F. 472. Op. 1. D. 643. L. 1.
21. RGALI. F. 472. Op. 1. D. 653. L. 1.
22. *Vsya Moskva: Adres-kalendar' goroda Moskvy na 1875 god* [All Moscow: Address-calendar of the city of Moscow for 1875]. Moscow, 1875.
23. RGALI. F. 472. Op. 1. D. 675.
24. RGALI. F. 472. Op. 1. D. 661.
25. OR RGB. F. 332. K. 51. D. 32. L. 11.
26. OR RGB. F. 332. K. 51. D. 31. L. 7.
27. Cygankov D.A. *Vladimir Ivanovich Ger'e. U istokov vysshego zhenskogo obrazovaniya* [Vladimir Ivanovich Gerje. At the origins of higher education for women.]. Moscow, 2017. 136 p.
28. OR RGB. F. 332. K. 51. D. 32. L. 3.
29. Mahaev S.K. *Podvizhnicy miloserdiya* [Devotees of mercy]. Moscow, 1914. 143 p.
30. Ilinskij P.A. *Russkaya zhenshchina v vojnu 1877–1878: Oчерk deyatel'nosti sester miloserdiya, fel'dsheric i zhenshchin-vrachej* [Russian Woman in the War of 1877-1878: An Essay on the Activities of Sisters of Mercy, Paramedics and Women Physicians]. St. Petersburg, 1879.
31. OR RGB. F. 332. K. 51. D. 28. L. 6.

Pokrovskaya Viktoriya Alekseevna. Post-Graduate Student, Department of Russian History of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Specialty 07.00.02 “Russian History”. E-mail: vikapokr@yandex.ru